

УДК 341.222

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

К вопросу о типологии азиатских границ России (II часть)

On the typology of Asian boundaries of Russia (II part)

Статья посвящена концептуальным и методологическим проблемам исторической типологизации особенностей азиатской границы России и её отдельных участков. Во второй части статьи, опираясь на представленный научный инструментарий, автор даёт краткий историко-географический обзор лимогенетических процессов, происходивших в северном и южном секторах Азиатской России во II тыс. н.э.

Ключевые слова: *Азиатская Россия, азиатские границы, исследование границ, лимитроф, линейная граница, типология, фронтир, широкая граница*

The article is devoted to conceptual and methodological problems of historical typologization of the features of Asian boundaries of Russia and its sections. In the second part, based on the submitted scientific instruments, the author gives a brief historical and geographical overview of the processes of limogenesis in the northern and southern sectors of the Asian part of Russia in the II millennium BC..

Key words: *Asian Russia, Asian boundaries, border studies, limitrof, linear border, typology, frontier, broad border*

Переходя к обзору конкретно-исторического содержания процессов формирования границ в Азиатской России, нельзя обойти вопроса о внутренней географической дифференциации последней. Обширное пространство Азиатской России объективно разделено на большое число разнотипных и разноуровневых физико-географических и социально-географических регионов. Воздействие их существования на лимогенетические процессы достаточно существенно для того, чтобы стать предметом специальных научных исследований. Однако в настоящей работе я остановлюсь только на одном способе географической дифференциации Азиатской России, который по комплексности и долговременности своего влияния на генезис её границ, на мой взгляд, далеко превосходит все остальные. Речь идёт о разделении изучаемой части страны на се-

---

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Первая (№4 за 2012 г.) и вторая части статьи подготовлены при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011.

верный и южный пояса исходя из ландшафтно-климатических особенностей.

Выявление особенностей северного и южного поясов Азиатской России, присутствующих не только в их природных условиях, но и в тесно связанных с ними параметрах внешнесоциетальной среды и самого российского общества этих регионов, позволяет уточнить содержание и действие общих специфицирующих факторов азиатского лимогенеза, охарактеризованных в предыдущей части статьи. Выделение на этой основе в Азиатской России двух секторов лимогенеза даёт возможность зафиксировать наиболее важные проявления его внутренней неоднородности. Основное значение дифференциации южного и северного секторов лимогенеза состоит в происходящем от первого ко второму углублении историко-типологических отличий расположенных в данных секторах границ от «европейских», в нарастании их «азиатскости».

Проблему широтной регионализации можно считать традиционной для исследований Азиатской России. Мысль о том, что природные и общественные условия северной и южной частей этого макрорегиона определили значимые особенности их заселения и освоения русскими неоднократно выражалась уже в трудах дореволюционных авторов. В отдельных случаях, как например в работе М.И. Венюкова [2], специфика хронологии и форм колонизации северной и южной полосы Азиатской России рассматривалась в связи с процессами формирования её границ. С большими отчётливостью и обоснованностью конкретными данными тезис о наличии связи между условиями среды, типами колонизации и формами лимогенеза в северной и южной полосе Сибири и РДВ проводился в ряде научных работ советского [19] и постсоветского [1; 3; 20] периодов.

Однако до сих пор различные виды зависимости границы от природной и социетальной среды и колонизирующего её общества применительно к Азиатской России анализировались в узких пространственно-временных рамках и в отрыве друг от друга. Комплексное изучение сложного порядка отношений между ландшафтом и климатом азиатской части России, демографическими, социально-экономическими и политическими структурами встретившихся на этом пространстве обществ и параметрами их границ остаётся пока делом будущего. Далее я постараюсь представить лишь предварительную характеристику этих отношений в той мере, в какой она необходима для выявления основной специфики лимогенезов в северном и южном секторах изучаемого макрорегиона.

Физико-географической основой выделения северного сектора лимогенеза в Азиатской России являются ландшафтно-климатические зоны арктических пустынь, тундры, тайги, подтайги и широколиственных лесов. Таким образом, в пределах северного сектора, значительно расширяющихся в направлении с запада на восток и заключающих в себе почти всё российское побережье Тихого и Северного Ледовитого океана, располагается примерно две трети пространства Азиатской России в советских границах 1991 г. и подавляющая часть азиатского пространства современной РФ. В силу множества составляющих природных условий ландшафтных зон северного сектора (низкий средний уровень и большая амплитуда температур, переувлажнённость и снежность, бедность почв и распространённость «вечной мерзлоты», лесистость, скудость растительных кормовых ресурсов и др.), они в целом значительно менее благоприятны для жизни и хозяйственной деятельности человека, чем условия не только Европейской России, но и южного сектора России Азиатской. Лимитирующее воздействие на демографические и социально-экономические процессы ландшафтно-климатических факторов усугубляется спецификой рельефа северного сектора, значительная доля (до

50%) поверхности которого покрыта горами. Помимо прочего, гористый рельеф этого региона (наряду с крупными и разветвлёнными речными артериями и широкими заболоченными пространствами) создавал серьёзные трудности для налаживания различных видов сообщений, особенно в широтном направлении. Вместе с тем, та же сложная пересечённость территории северного сектора разного рода естественными барьерами (лесными, речными, горными и иными) формировала объективные предпосылки для обеспечения его относительной безопасности.

Характер природных условий северной полосы Азиатской России, а также их высокая устойчивость, сравнительно малая подверженность антропогенным изменениям, в решающей степени определили демографическое, социально-экономическое и политическое состояние аборигенных обществ, размещавшихся здесь к моменту прихода русских. Большая часть коренного населения Сибири и Дальнего Востока существовала в условиях присваивающей экономики (охота и рыболовство) и близких к ней примитивных форм производящего хозяйства (оленоводство), сопряжённых с подвижным («бродячим») или кочевым образом жизни и редким, дисперсным расселением [7, с. 19-22]. Разбросанные по огромной территории небольшие родовые общины являлись высоко автономными социально-экономическими и управленческими единицами. Их племенные объединения обычно не отличались сплочённостью, и поддерживались скорее брачно-родственными и культурно-религиозными, нежели политическими связями.

Что касается пространства, сопредельного с северной полосой Азиатской России, то на севере и востоке оно состоит из крупных морских акваторий, долгое время игравших в основном изолирующую роль, и немногих участков суши (Аляска, Хоккайдо), сходных с данным регионом по природным параметрам и вплоть до конца XVIII в. населённых народами, близкими к его аборигенам по уровню общественного развития. Таким образом со стороны большей части своего внешнего периметра северный сектор лимогенеза был объективно ограждён от каких-либо значимых внешних влияний.

Несмотря на общую неблагоприятность природных и непривлекательность общественных условий северной полосы Азиатской России, она довольно рано стала объектом русской колонизации. Проникновение восточнославянского населения (в основном из новгородских земель) за Урал, судя по всему, началось в XI в., а уже в XV в. его присутствие в нижнем течении Оби было постоянным [1, с. 164; 20]. Опережающее развитие (до XVII в.) северного направления колонизации Сибири было обусловлено геополитическим положением, в котором оказалось само колонизирующее общество: под натиском сначала половцев, а затем татар демографическое и социально-экономическое ядро древнерусской народности в течение нескольких столетий сдвигалось на северо-восток Русской равнины.

Ещё в доермаковский период главной движущей силой колонизации северной части Азиатской России стал маховик массового пушного промысла, раскручивавшийся в свою очередь динамикой международного рынка. После завершившегося к концу XVI в. разрушения Сибирского ханства, которое являлось единственным государственным образованием в пределах северного сектора лимогенеза, вольно-народное промысловое освоение данного региона более не наталкивалось в нём на серьёзные внешние преграды. Кроме того, вплоть до XIX в. оно практически крайне слабо регулировалось со стороны российских властей.

Высокая прибыльность, а на начальном этапе (при занятии новых, ещё не эксплуатировавшихся угодий) и сверхприбыльность, промысло-

вой деятельности¹, во многом стихийные, нерегулируемые государством формы её организации² резко ускоряли процесс освоения. Именно благодаря этому вольно-промысловому характеру пионерного освоения путь до Тихого океана был пройден им менее чем за 60 лет. В то же время, оборотной стороной исторической стремительности этого процесса были его поверхностность и неустойчивость: первая, промысловая, колонизационная волна оставила по себе очень «бледный» материальный, инфраструктурный след, а составлявшие её миграции сопровождались обычно весьма значительным (почти симметричным) обратным движением мигрантов из Сибири в Европейскую Россию или из новоосвоенных районов в староосвоенные.

Промысловой колонизации северного сектора был свойственен своеобразный тип (рисунок) территориальной структуры освоения и расселения, который можно назвать маршрутно-узловым³. Основу этой территориальной структуры образовывали торговые (обменно-распределительные) дороги и ветвящиеся от них промысловые (собственно производственные) пути. На этих дорогах и путях возникали соответственно обменные, производственные или функционально комплексные узлы, имевшие форму острогов, зимовий и стоянок.

К концу XVII в. за некоторыми из торгово-промышленных коммуникаций, располагавшимися главным образом в южных районах северного сектора закрепились роль постоянных и основных транспортных и миграционных артерий этого региона и Азиатской России в целом (Сибирский тракт). Размещавшиеся на них функциональные узлы дали начало ряду крупных и крупнейших сибирских городов [1, с. 164-166, 274-275; 4, с. 118-119]. Однако большая часть территориальной структуры промыслового расселения и освоения носила временный характер. Функционирование составлявших её путей и пунктов было периодическим (сезонным или нерегулярным), срочным или разовым. Названные особенности структуры промыслового расселения/освоения непосредственно обусловили специфику лимогенетических процессов в северном секторе.

Как уже отмечалось ранее, граница русской колонизации как северной, так и южной полосы Азиатской России в отечественной научной литературе обычно определяется в качестве фронтальной. Если исходить из признаков фронтальной границы, выделенных мной в первой части статьи, то применительно к периоду промысловой колонизации северного сектора XV – середины XIX вв. такое определение имеет под собой некоторые основания. Граница колонизируемой промысловиками территории безусловно обладала такими чертами как высокая подвижность и практическая нерегулируемость, свобода от любых видов систематического государственного контроля. Однако, вместе с тем, ей не была присуща свойственная фронтальной зональная пространственная форма, то есть форма непрерывной, сплошной передовой полосы. Это вполне закономерно, ведь концепция фронта изначально создавалась Ф. Тернером на основе наблюдений, прежде всего, за земледельческой колонизацией американского Запада, для которой была характерна не маршрутно-узловая, а более равномерная и плотная территориальная

¹ Вплоть до конца XVII в. наиболее выгодным видом промысла в регионе была заготовка пушнины, позднее – охота на морского зверя, а с начала XIX в. – добыча золота.

² Самой распространённой из таких форм были добровольные ватаги (артели), включавшие в себя от нескольких до нескольких десятков промышленников и финансировавших их торговцев.

³ В географических исследованиях этот тип территориальной структуры обычно именуется «маршрутно-каркасным» [3, с. 188-189] или «линейно-узловым» [22, с. 314-315].

структура хозяйственного освоения и тесно связанного с ней распределения населения – площадная [3, с. 188-189].

Маршрутно-узловой рисунок промысловой колонизации, таким образом, должен был сформировать границу, подобную фронтиру по параметрам устойчивости и контроля, но отличающуюся от него по своей пространственной форме. Такую границу в дальнейшем я буду именовать «точечной». С формальной точки зрения, точечная граница представляет собой более или менее разреженный ряд из передовых пунктов маршрутно-узлового расселения/освоения, непрерывный контур которого существует только в сознании современников (или исследователей).

Признание авангардной роли в колонизации северного сектора Азиатской России в период до середины XIX в. её вольно-народной составляющей не означает отрицания значения её правительственного, государственно-управляемого компонента. Правительственное, военно-политическое заселение и освоение зауральских земель с конца XVI в., как правило, пространственно сопутствовало промысловому¹, институционально и социально переплетаясь с ним. Ватаги промысловиков нередко объединялись с отрядами служилых людей², а в случаях совпадения географической направленности частного и государственного интересов – могли получать от сибирских воевод материальное содействие и документы, наделяющие их полномочиями представителей власти [20]. Тесная связь процесса правительственного заселения и освоения региона с торгово-промышленной экспансией (а по сути, зависимость от неё) на длительное время определила всё тот же маршрутно-узловой рисунок его территориальной структуры. Формируясь путём наслаивания на торгово-промысловую (в особенности на её наиболее устойчивые, каркасные звенья), административная территориальная структура северного сектора, вместе с тем, совпала с ней не полностью. Такое же, и даже ещё более значительное, несовпадение (при сходстве территориальной формы) было характерно и для внешних границ вольно-народной и правительственной колонизации этого региона.

Специфика территориальной структуры правительственной колонизации выражалась, прежде всего, в её существенно меньшей плотности, «крупночестности», а также в её в целом тыловом положении, в отдалённости (порой на десятки и сотни километров) от пионерного края вольно-народного освоения региона. Общей причиной несовпадения территориальных структур двух типов (потоков) колонизации являлось нараставшее со временем расхождение, дивергенция приоритетных для них соответственно экономических и военно-политических интересов. В формировании сети административных пунктов в северной полосе Сибири и РДВ соображения частной и артельной выгоды постепенно вытеснялись задачами обеспечения казённой прибыли, полицейского контроля и внешней безопасности. В результате эта сеть всё отчётливее тяготела к внутренним районам промыслового освоения, более эффективным с точки зрения осуществления ясачной и оборонительной политики, а впоследствии также развития государственного сельского хозяйства и промышленности.

Специфичность территориальной структуры правительственной колонизации конца XVI – первой половины XIX в., на мой взгляд, позволяет говорить о существовании в этот период связанной с ней границы

¹ Правительственная колонизация обычно следовала за вольно-народной, запаздывая на некоторых направлениях на годы и даже на десятки лет.

² Более того, уже в XVII в. в Сибири сформировался особый социально-антропологический тип, носители которого соединяли роли промысловика, торговца и служилого, в разных ситуациях акцентируя в своей деятельности ту или иную из этих трёх функций. Примером такого типа может служить Е.П. Хабаров [13].

особого типа, частично географически совпадавшей с «точечной», но в основном пролежавшей позади неё¹. Эта граница, которая далее будет именоваться «форпостной», также как и «точечная», характеризовалась подвижностью (при этом, частота её перемещений была, безусловно, меньшей) и пунктирной пространственной формой (хотя расстояния между составлявшими её административными пунктами были обычно существенно бóльшими). Главной же особенностью границы «форпостного» типа было то, что в образующих её разноуровневых центрах государственной власти – острогах (позднее, городах), крепостях, станицах и постах – трансграничные потоки подвергались более или менее регулярному военно-политическому, а иногда и таможенному, контролю.

Формирование, расширение и функционирование «точечной» границы, сыгравшей решающую роль в складывании государственной территории России, её постепенное замещение границей «форпостного» типа продолжались в северном секторе лимогенеза в течение нескольких столетий. Историческая живучесть этих типов границы и стоящих за ними маршрутно-узловых территориальных структур, в обновлённых формах во многом продолжающих определять пространственную организацию региона до сих пор, коренится, прежде всего, в исключительной ригидности природной среды северного сектора, в её объективно малой подверженности антропогенным изменениям. Тем не менее, около середины XIX в. лимогенетические процессы в северном секторе вступили в новый период своего развития. Предпосылкой к начавшейся в 50-е – 60-е гг. XIX в. типологической трансформации российских границ в этом секторе послужило возрастание международной напряжённости в СВА, связанное с завершением первоначального раздела в этом регионе «ничейных» земель и включением его в географическую сферу столкновения интересов великих держав. Последовавшая затем череда прямо затрагивавших СВА военных конфликтов, кризисов и фаз конфронтации – от Крымской войны до «холодного» противостояния СССР и США – заставляла правительство уделять северному сектору, и, в первую очередь, его тихоокеанскому участку, значительно больше внимания, чем раньше. В целях обеспечения безопасности Тихоокеанской России, неотделимого от её интеграции и унификации с европейской частью страны, российские власти форсировали пограничное строительство в регионе, ориентируясь при этом на уровень развития, уже достигнутый на западных границах. В тесной связи с военно-оборонительными, и в т.ч. пограничными, мероприятиями была расширена государственная колонизация РДВ, которая в этот период окончательно отодвинула на второй план или подчинила себе стихийные миграционные и хозяйственные процессы [1, с. 50, 65-71; 7, с. 231-237].

Пограничная политика, проводившаяся российским государством в северном секторе с середины XIX в. до настоящего времени, конечно, не может рассматриваться как некий содержательно однородный, непрерывный и последовательный процесс. Её история состоит скорее из ряда всплесков государственной активности, разделённых порой весьма продолжительными периодами стабилизации или попятного движения. Тем не менее, с типологической точки зрения, наиболее устойчивой, доминирующей тенденцией этой политики являлось построение в северном секторе Азиатской России границы линейного типа, создание которой в европейской части страны развернулось ещё в начале XVIII в.

Историческая неосмысленность, ситуативность и реактивность многих политических шагов государства, не в меньшей степени, чем

¹ Районами наиболее значительного отставания рубежа правительственной колонизации от «точечной» границы были берега Ледовитого океана, Русская Америка, Курилы и Сахалин.

условия природной и общественной среды, обусловили значительную структурную и географическую неравномерность развития системы границы в изучаемом регионе.

Хронологически первым объектом приложения усилий правительства стала территориальная структура, пространственная форма российской границы в северном секторе. Процесс изменения этой формы был инициирован в первую очередь не на физическом, а на символическом, нормативно-правовом уровне. В одностороннем порядке попытки юридически оформить и даже местами демаркировать границу Российской империи на побережье Чукотки, Аляски и в районе южных Курил были предприняты ещё в 1786 – 1789 гг.¹ [17, с. 22, 56-57]. В двухстороннем, международно-правовом, порядке российские границы в Северной Пасифике были впервые зафиксированы в 1824 и 1825 гг., в результате заключения конвенций о разделе владений на североамериканском континенте соответственно с США и Англией [17, с. 87-93]. Однако международно-правовая делимитация и демаркация российских рубежей вдоль евразийского побережья Тихого океана началась только во второй половине XIX в. Так, в 1855 г. договором между Россией и Японией была делимитирована граница в районе южных Курил (в проливе между островами Уруп и Итуруп). В 1867 г. договор между Россией и США делимитировал их границу в районе Берингова и Чукотского морей [17, с. 72-93]. Процесс международно-правового оформления более отдалённых от суши участков морской границы России (точнее, её исключительной экономической зоны) на Тихом океане был начат значительно позже (с 70-х гг. XX в.) и остаётся незавершённым до настоящего времени [23].

Следует отметить, что сами по себе делимитация и демаркация границы, даже проведённые с максимально возможной юридической корректностью и технической точностью, не достаточны для придания ей собственно линейной географической формы. Линейная форма границы возникает в результате пространственного соединения зафиксированного международно-правовыми средствами предела государственного суверенитета с рубежом физического, демографического и социально-экономического, присутствия данного государства, т.е. с контурами его фактической власти. Между тем, непрерывный рубеж такого физического присутствия на тихоокеанском (не говоря уже об арктическом) побережье России всё ещё не сформировался. Начиная с 50-х гг. XIX в. российское правительство предпринимало (эпизодические) меры по уплотнению ряда форпостов, расположенных вдоль морских берегов, и их связыванию между собой надёжными транспортными коммуникациями (в основном, прибрежными каботажными маршрутами). Наиболее значительных результатов (во многом, утраченных сегодня) эта политика целенаправленного заселения и освоения побережий достигла к концу советского периода [22, с. 153-154]. Тем не менее, и в это время вдоль береговой черты северного сектора лимогенеза не появилось равномерно плотного ряда населённых пунктов, интегрированных постоянной, регулярно функционирующей линией коммуникаций. Подобные достаточно прочные межфорпостные коммуникационные линии возникли в прибрежных районах лишь отдельных анклавов заселения/освоения (южные части Приморья, Хабаровского края и Камчатки, восток Чукотки и Сахалин).

С ещё более труднопреодолимыми препятствиями столкнулся процесс пространственного совмещения рубежей физического (фактического) и юридического присутствия государства. Как уже отмечалось, с сере-

¹ Судя по всему, эти попытки стали прямым отголоском активизации с 1782 г. политики строительства линейной границы на западных окраинах империи.

дины XIX в. российская граница в северном секторе (на тихоокеанском и отчасти на арктическом участке) в международно-правовом плане строилась как морская. Вместе с тем, в силу естественных причин, даже в самых благоприятных климатических условиях и вблизи берегов, освоение морских акваторий отличается сравнительно низкой плотностью. Тем более это касается районов моря, отдалённых от побережий, и в т.ч. особых правовых зон (прилежащей, исключительной экономической, шельфовой), различные формы суверенитета на которые были распространены СССР, а затем РФ в 70-е – 90-е гг. XX в. [15, с. 442-446; 18, с. 165-167, 171-174, 285]. Таким образом, сам морской характер границы объективно затрудняет построение единого, одновременно фактического и юридического, рубежа государства, способствует неравномерности, поясности освоения пространства и, в конечном счёте, градуированию государственного суверенитета.

В целом, в настоящее время пространственная форма российской границы в северном секторе далека от линейной. Более того, эта граница до сих пор не является в полной мере и зональной, поскольку отдельные появившиеся на ней зональные сегменты пока разделены участками, сохраняющими изначальную пунктирную форму.

Другим приоритетом пограничной политики в северном секторе с середины XIX в. являлось усиление и комплексирование государственного контроля над линией границы. Долгое время эта политика была направлена главным образом на повышение эффективности охраны границы и контроля пересекающих её потоков в интересах обеспечения военно-политической безопасности государства. В дореволюционный период (начиная с Крымской войны) меры по повышению защищённости тихоокеанских рубежей, наращиванию располагавшихся на них сухопутных и морских сил и увеличению числа пунктов их базирования, были приурочены обычно к внешнеполитическим кризисам, периодам подготовки к конфликтам и прямого участия в них. В советскую эпоху, особенно с конца 20-х гг., деятельность по укреплению военно-политической охраны и контроля над границей стала значительно более планомерной и системной, охватывающей все основные аспекты решения этой задачи – нормативно-правовые, материально-технические, институциональные, социальные и культурные (идеологические). В результате в конце 40-х – в 50-х гг. XX в. СССР удалось в целом прикрыть в военно-политическом отношении тихоокеанский участок своей границы [16, с. 52-54, 283; 21, с. 346-347]. В 60-е – 70-е гг. правительством был установлен военно-политический контроль над значительной частью арктических рубежей страны.

Существенно менее активно в северном секторе развивались механизмы таможенного и миграционного контроля. Первые попытки внедрения этих видов государственного контроля на тихоокеанской границе России относятся к концу XIX – началу XX в. Однако в 30-е гг. в связи с принятым курсом на жёсткую барьеризацию советских рубежей, их превращение, по сути, в изолирующий контур, развитие невоенных видов регулирования на границе было остановлено или обращено вспять [5, с. 54-76; 10, с. 220-228]. Таким образом, в постсоветский период строительство в северном секторе таможенных и миграционных институтов и инфраструктуры развернулось фактически заново.

В итоге, благодаря усилиям государства, тихоокеанский рубеж на сегодня входит в число комплексно (военно-политически, экономически, социально-демографически) регулируемых границ России. Впрочем, отмечая этот важный исторический успех в деле построения на востоке страны границы линейного типа, следует сказать, что поддержание непрерывного контура контроля всё ещё сталкивается в регионе с очень

серьёзными, прежде всего, материально-техническими проблемами. Ввиду в т.ч. особенностей пространственной формы тихоокеанской границы, её реликтовой сухопутной пунктирности и морской зональности, эффективное решение этой задачи требует неординарных объёмов бюджетного финансирования и инвестиций, обеспечить которые в полной мере, государство, даже в нынешних относительно благополучных условиях, не в состоянии.

На фоне многих проблем и недостатков в политике пространственной организации и регуляции российских границ в северном секторе, ещё более противоречивой была эволюция правительственных подходов к задаче её стабилизации. С середины XIX по середину XX вв. государственным границам России на Тихом океане была свойственна выраженная неустойчивость. С 1855 по 1905 гг. российское правительство по различным причинам отказалось от ряда территорий (и прилегающих к ним акваторий), приобретённых в ходе, прежде всего, вольно-народной колонизации, но к тому моменту уже являвшихся в той или иной степени и объектом государственного освоения (Русская Америка, Курилы и юг Сахалина¹). Однако, по итогам второй мировой войны, в 1945 г. СССР вернул себе значительную часть утраченного (за исключением бывших североамериканских владений) [17, с. 72-97, 150-155]. Вслед за этим, в официальном дискурсе (и во многом в общественном сознании) тихоокеанские рубежи страны начинают утверждаться как постоянные и нерушимые. Тем не менее, в некоторых районах Тихого и Северного Ледовитого океана (Курилы, акватории Чукотского, Берингова и Охотского морей) пределы российской территории и исключительной экономической зоны продолжают оставаться предметами международных споров. В 2000-е гг. стремление России распространить границы своей шельфовой зоны в Арктике, привело к её втягиванию в территориальные споры и в этом регионе [14].

Масштабные изменения, произошедшие за последние полтора века в конфигурации российской границы в северном секторе, и напряжённость, существующая на ряде её участков до сих пор, на мой взгляд, не могут быть объяснены только военно-политическим давлением внешних субъектов. Важным их фактором являлась и является позиция российского правительства. Долгое время (по крайней мере, до 1905 г.) оно воспринимало государственную границу в северном секторе как объект для возможного дипломатического торга, а прилегавшие к ней окраинные территории как буферные, своего рода «запасные», пригодные для обмена на уступки на более геополитически значимых направлениях (в особенности, маньчжурском). Подобные установки проявляли себя и позднее, о чём свидетельствуют неоднократные, быстрые и мало связанные с влиянием международной среды переходы советских (российских) властей от заявлений о неприкосновенности своих границ к предложениям различных вариантов их корректировки². Впрочем, это не означает, что такое «буферное мышление», характерное для эпохи границ «широкого» типа, имело под собой исключительно субъективные причины.

Несоответствие во многих аспектах современных рубежей России в северном секторе признакам границы линейного типа, наличие у них характеристик границ исторически предшествующих ей типов, с моей точки зрения, неразрывно связано с нынешним состоянием колонизации данного региона и, в первую очередь, со сложившейся территориальной структурой его заселения и освоения. Несмотря на значительные уси-

¹ Русская Америка по договору 1867 г. была продана США. Курилы (по договорам 1855 и 1875 гг.) и южная часть Сахалина (по договору 1905 г.) были переданы Японии.

² Примером здесь могут служить существенные колебания в советской, а затем российской позиции по курильской проблеме в период с 1956 г. по настоящее время.

лия и вложения со стороны государства, за полуторавековой период в северном секторе лимогенеза не удалось создать сплошного и достаточно плотного массива демографического и социально-экономического присутствия, который является необходимой предпосылкой существования линейной границы.

В северном секторе (и особенно, в его приграничных районах) площадное, сельскохозяйственное и индустриальное¹, освоение и заселение до настоящего времени остаётся в основном локальным и фрагментарным. Его главным достижением можно считать появление в данном регионе нескольких относительно крупных поселенческих и экономических анклавов, коммуникационно тяготеющих не столько друг к другу, сколько к более плотно и равномерно освоенной южной полосе Азиатской России. Структура же большей части территории северного сектора по-прежнему сохраняет маршрутно-узловой рисунок [22, с. 314-315], в определённой мере скорректированный за счёт возникших в рассмотренный период новых промышленных и социальных технологий². Подобная высокая степень территориально-структурной косоности тыла северного сектора лимогенеза служит важнейшим препятствием на пути модернизации российских границ в этом регионе, мощным фактором их типологически неоднозначного, смешанного состояния.

Занимающий около трети всего пространства Азиатской России (в советских границах до 1991 г.) южный сектор лимогенеза охватывает ландшафтно-климатические зоны лесостепей, степей, полупустынь и пустынь. В своём комплексе природные условия южного сектора (температурный режим, влажность, качество почв, ресурсы флоры и фауны) определяют его промежуточное положение по уровню благоприятности для жизни и хозяйственной деятельности человека между Европейской Россией и северным сектором России Азиатской. При этом наименее благоприятные, пустынные и горные, районы этого сектора сосредоточены в основном в его южной части. Преобладающий равнинный рельеф южного региона Азиатской России объективно способствует развитию сухопутных коммуникаций, но, в то же время, делает его относительно уязвимым с точки зрения обеспечения военно-политической и иных видов общественной безопасности.

Естественные условия южного сектора лимогенеза обусловили значительно более раннее, чем в северном секторе, появление здесь производящего хозяйства (скотоводческого и, в меньшей степени, земледельческого) и большую плотность населения. Хотя ко времени прихода русских население преобладающей части территории сектора вело кочевой образ жизни и находилось на доклассовом и догосударственном уровне развития³, в некоторых его районах (северное побережье Чёрного моря, Закавказье, среднее и нижнее течение Волги, нижние течения Иртыша, Амударьи и Сырдарьи) существовали очаги оседлой и городской цивилизации, обладавшие государственностью и поддерживавшие в разной степени устойчивые связи с более развитыми обществами, главным образом мусульманского мира. Значительный собственный потенциал демографического, социально-экономического и политического роста и развития, также заметное влияние со стороны исламской и буддо-конфуцианской цивилизационных платформ предопределили ак-

¹ Индустриальное освоение сектора, связанное в основном с развитием предприятий топливно-энергетических отраслей, началось в 30-е гг. XX в.

² Показательно, что и ныне действующие программы развития Сибири и РДВ связывают его перспективы с анклавным, кластерным подходом.

³ В этот период в южном секторе преобладали различные формы военно-демократической или, реже, военно-иерархической политической организации.

тивную реакцию государственных и ряда предгосударственных обществ южного сектора лимогенеза на российскую экспансию, вызвали их упорное и разнообразное противодействие колонизации. С выходом же России на северные окраины самих интегрированных плотным комплексом общественных отношений цивилизационных платформ (в лице, прежде всего, Османской и Цинской империй), её экспансия с необходимостью должна была приобрести ярко выраженный военный и всё более ожесточённый характер.

Российская колонизация южного сектора фактически берёт своё начало ещё в догосударственной древности восточных славян, которые, по крайней мере, с V в. н.э. проживали в лесостепных и степных районах Восточно-Европейской равнины. По возникновении Древнерусского государства в этих районах (по левым и правым притокам среднего Днепра, прежде всего, по рр. Суле и Роси) в X – XII вв. развернулось строительство целой системы «сторожевых линий» [18, с. 72-75]. Создание этих крупных, эшелонированных фортификационных сооружений, состоявших из множества крепостей и протянувшихся на сотни километров рвов и валов, было нацелено на защиту земледельческого населения южной части Руси от постоянного натиска кочевников Дикого Поля – печенегов, а впоследствии – половцев.

Опыт создания и функционирования сторожевых линий, которые, по сути, представляли собой форму государственной границы «широкого» типа, оказал сильное влияние на позднейшие лимогенетические процессы в южном секторе Азиатской России. Однако в результате монголо-татарского нашествия, образования империи Чингизидов и Золотой Орды русское общество и государство были надолго вытеснены из пределов южного сектора, и прямая историко-географическая преемственность лимогенеза в нём была разорвана. С середины XIII по середину XVI вв. развитие русских (российских) границ происходило в основном в лесной полосе Восточно-Европейской равнины¹, откуда, как говорилось выше, в XV в. началось колонизационное продвижение в азиатскую часть страны по северному пути.

Включение русских княжеств в состав Золотой Орды в качестве особого автономного «улуса» привело не только к значительному географическому перемещению южной границы, но и к изменению её статуса и деградации. Вплоть до свержения монгольского ига южные рубежи Руси имели скорее административное, нежели государственное значение. Их вынужденная демилитаризация (до середины XIV в. практически полная) в условиях той эпохи означала кардинальное ослабление общего государственного контроля над ними. Изменению подверглись также пространственная форма и степень подвижности южных границ русских княжеств. Характерной для них стала форма лёгкого флуктуирующего пунктира, состоявшего в основном из выполнявших дозорные функции мобильных (конных) постов – караулов или сторожей [18, с. 185-186]. Примечательно, что формально сходные западные рубежи русских земель в это же время отличались большей устойчивостью и сложностью: их основу составляли пограничные крепости и стационарные заставы, где осуществлялся относительно регулярный военно-политический и таможенный контроль («форпостная» граница).

Период с середины XIII по середину XVI вв. имел для исторического развития российских границ исключительную значимость, связанную с тем, что именно к этому времени можно отнести возникновение такого феномена как Евразийский лимитроф. Общественные предпосылки для появления Евразийского лимитрофа, ландшафтно-климатической осно-

¹ То есть в регионе, который в данной статье обозначается как собственно Европейская Россия.

вой которого служит протянувшаяся через весь континент полоса степей и лесостепей, стали складываться ещё в глубокой древности, когда на рубеже II и I тыс. до н.э. в этой зоне начался процесс формирования кочевых обществ. Многие века кочевые общества Евразии играли роль варварской периферии древних земледельческих цивилизаций, располагавшихся южнее. В I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. неоднократно предпринимались попытки политического объединения народов евразийских степей, которые при благоприятном развитии событий могли бы привести к конституированию здесь особой цивилизации. Однако в силу как фундаментальных эколого-экономических и геополитических ограничений данного региона, так и случайных исторических обстоятельств, возникшим в нём огромным кочевым империям (или предгосударственным суперсложным вождествам)¹ были свойственны непрочность и отсутствие кумулятивной преемственности в развитии. Последней и наиболее масштабной из таких попыток стало образование империи Чингизидов, которая смогла не только объединить различные кочевые общества от Японского до Чёрного моря, но и на длительный период подчинить себе ядерные земли буддо-конфуцианской, мусульманской и формирующейся к северу от степей русской (российской) цивилизационных платформ. Распад монгольской империи и её крупнейших улусов (включая Золотую Орду), а затем ставший необратимым к середине XVI в. крах усилий по её реставрации повлекли за собой окончательную политическую дезинтеграцию евразийского кочевого мира и размывание его так и не достигшего достаточной связности социокультурного пространства. Стимулированное теми же процессами интенсивное расширение российского общества и государства в южном и восточном направлениях в скором времени привело к превращению евразийских степей в замкнутую промежуточную (не только межцивилизационную, но и межгосударственную) зону, т.е. в собственно Евразийский лимитроф.

С середины XVI в. южный сектор Азиатской России вновь вовлекается в процессы генезиса российских границ. Непосредственным импульсом к этому стали военные походы Ивана IV 1552 и 1556 гг., которые завершились присоединением к Российскому государству земель Казанского и Астраханского ханств. Завоевание Среднего и Нижнего Поволжья продвинуло российские государственные границы далеко вглубь южного сектора и по существу рассекло Евразийский лимитроф на две неравные части – к западу и к востоку от Волги. Дальнейшая военная экспансия Москвы на территории южного сектора осуществлялась уже, как правило, в форме не глубоких вторжений и захватов, но более медленного и более равномерного смещения на юг и юго-восток укрепленных рубежей государства – т.н. «засечных черт».

Строительство «засечных черт», во многом опиравшееся на опыт сооружения «сторожевых линий» X – XII вв., было начато в 20-е – 30-е гг. XVI в., в ходе соединения в единый комплекс ряда крепостей в лесных районах по верхнему течению Оки. Уже в 70-е гг. XVI в. Передовая засечная черта выдвинулась в полосу лесостепей от среднего Сейма до средней Волги. К 80-м гг. XVII в. различные засечные черты в совокупности образовали почти непрерывный пограничный контур, протянувшийся примерно на 1800 км. от верховий Ворсклы (левого притока Днепра) до среднего Дона и далее до нижнего течения Камы. В XVII в. сравнительно небольшие по протяжённости засечные черты (Исетская и Таболо-Ишимская) были созданы и за Уралом, в южной Сибири [8, с. 128-130; 18, с. 75-76, 107].

¹ Важнейшими из них были Держава хунну, Восточный и Западный Тюркские каганаты и Хазарский каганат.

Строительство и функционирование засечных черт, их географическая динамика неразрывно связаны с процессами правительственной колонизации южных и юго-восточных окраин страны. Создание каждой новой засечной черты сопровождалось переселением на неё служилых людей и крестьян из центральных районов России. По прямому указанию или под контролем Москвы «на черте» основывались города, сёла и деревни, прокладывались дороги, «заводилась пашня», распределялись угодья для скотоводства и промыслов. Правительственные меры по развитию социально-экономической инфраструктуры были направлены не только на формирование на новой границе анклава плотного заселения и освоения, способного взять на себя основную часть бремени по материальному обеспечению её обороны, но и на прочное соединение, интеграцию окраины в общегосударственное пространство. Необходимой частью такой интеграции, как правило, являлось включение приграничных земель в уездную административно-территориальную сетку государства [8, с. 125-135].

Засечные черты XVI – XVII вв. представляли собой особую историческую форму существования «широкой» границы. Так, как уже отмечалось, для них была характерна высокая подвижность, имевшая вид ускоряющегося дрейфа на юг и юго-восток и связанная с перемещением человеческих и материальных ресурсов со старых рубежей на новые. Кроме того, очевидно, что засечные черты являлись, прежде всего, военно-политическими границами: концентрируя свои силы на решении задач защиты периферийных (а порой и центральных) районов от вторжений кочевников и стоящих за ними враждебных государств (в первую очередь, Турции), государство обычно уделяло мало внимания регулированию пересекавших черты невоенных (миграционных, товарных) трансграничных потоков. Наконец, конституированные засечными чертами границы XVI – XVII вв. имели ярко выраженную зональную географическую форму. Довольно примитивная фортификация черт и постоянный недостаток необходимых для полномасштабной обороны рубежей сил и средств компенсировались их эшелонированной, многоярусной структурой. Засечная черта состояла обычно из нескольких рядов разнотипных укреплений общей глубиной до 60 км. Кроме того, глубокая эшелонированность границы обеспечивалась нередко продолжительным сосуществованием новых, передовых, и старых, тыловых, черт [18, с. 75-82].

Ещё более выразительным свидетельством принадлежности рассматриваемой границы к «широкому» типу являлось то, что её значительная физическая ширина была тесно связана с её политической многослойностью. Если сами засечные черты в целом фиксировали пределы относительно однородного ядра Московского государства, где власть царя осуществлялась максимально полно и практически беспрепятственно, то по другую их сторону простиралась обширная и сложно организованная буферная зона, состоявшая из территорий, суверенитет российского государя над которыми был условным и в разной степени ограниченным. Таким образом, помимо основной, военной, границы, государственные рубежи России в этот период включали в себя комплекс символических границ¹, удерживавших в сфере российского влияния различные степные общности, среди которых были как собственно кочевые орды, так и «казачьки республики».

При всей значимости военно-государственной экспансии ведущая роль в российском лимогенезе в южном секторе принадлежала в рассматриваемый период не ей. Авангардом и, по-видимому, наиболее

¹ Они могли (но не всегда) объективироваться в различных формальных и неформальных вассально-союзнических соглашениях.

мощной движущей силой лимогенетических процессов в регионе выступала скорее его вольно-народная колонизация. Стихийное освоение отдельных районов степной полосы Русской равнины, несмотря на постоянную кочевую опасность, осуществлялось восточными славянами уже в домонгольский и даже догосударственный периоды [9, с. 13-14]. Распад Золотой Орды, с одной стороны, и возрастающее давление системы государственно-крепостнической эксплуатации, с другой, с конца XV в. вызвали новую, более масштабную волну народной колонизации южных и юго-восточных окраин Руси.

Будучи, прежде всего, промысловой¹, добывающей, эта колонизация изначально содержала в себе и земледельческую составляющую, роль которой постепенно возрастала. Уже во второй половине XVI в. на основе промыслового, маршрутно-узлового, проникновения в степь, в некоторых районах южного сектора (прежде всего, к западу от Волги) начинают формироваться территориальные структуры площадного освоения/заселения. В силу многих природных и общественных факторов², русское продвижение в южном секторе было очень неравномерным, зачастую имевшим форму далеко отходивших от основного массива освоения ветвей или оторванных от него анклавов, которые обычно тяготели к залесённым речным долинам³. Анклавность площадного земледельческого освоения вплоть до конца XVII в. была в особенности присуща южной Сибири, где вольно-народная колонизация в наибольшей мере преобладала над правительственной, а развитие «широкой» границы было ещё очень слабым [19, с. 62-71].

В большинстве районов южного сектора, от Днепра до Амура, народная колонизация опережала правительственную на десятилетия. Самочинные станы, зимовья, займки и выселки, а затем деревни, сёла, станицы и городки гулящих, беглых и воровских людей возникали за десятки, а на некоторых направлениях и за сотни километров от засечных черт [8, с. 125-135, 140-143]. Таким образом, «точечная», а позднее, с XVII в., в местах расположения анклавов более плотного, аграрного, освоения (в долинах Дона и Яика, верховьях Иртыша, Оби, Ангары и Шилки), и фронтирная общественные границы, как правило, предшествовали государственной границе «широкого» типа. Такое опережение во многом объясняет сравнительно высокую скорость формирования и географического дрейфа засечных черт, возникавших в прямом и переносном смысле на уже подготовленной почве. Это, конечно, не отменяет факта существования и обратной зависимости: «широкая» граница в процессе своего продвижения одновременно и толкала «точечные» и фронтирные рубежи вперёд, и поддерживала их в качестве надёжного (и далеко не только военного) тыла. Кроме того, только под защитой засечных черт стихийные колонизационные процессы могли достичь своего завершения, обеспечив приближение периферии по плотности заселения и хозяйственного освоения к центральным старожильческим районам страны.

С начала XVIII в. соотношение разных типов границы в общем контексте лимогенетических процессов в южном секторе Азиатской России меняется. По-видимому, переломной вехой для него стал рубеж 10-х

¹ В число промыслов, при этом, входили не только охота и рыболовство, но и различные виды грабежа.

² Важнейшим из этих факторов была постоянная борьба с кочевым населением южного сектора.

³ Показательно, что наиболее отдалённым анклавам народной колонизации приходилось принимать довольно сложную военизированную (по сути, протогосударственную) организацию, примером чему служат старейшие (вольные) казачьи войска – Донское, Яицкое, Терское.

– 20-х гг. XVIII в., когда в России было завершено построение основ «регулярного» государства, что позволило монархии приступить к активной (а не реактивной, как до тех пор) и как никогда ранее планомерной имперской политике. С этого времени российские «широкие» границы приобретают новую форму «укреплённых пограничных линий» [18, с. 93-95], благодаря европейской военной технике, инженерным и организационным технологиям отличавшихся от засечных черт более высокой обороноспособностью, большими мобильностью и автономностью. В соединении с реформированной армией и бюрократией укрепленные линии становятся в руках правительства эффективным инструментом военно-политического освоения пространства, который позволял увеличить и темпы экспансии, и территориальный масштаб каждой из составлявших её отдельных волн.

Другим следствием петровской модернизации государственной машины явилось значительное усиление различных видов полицейского контроля над населением и его перемещениями. Хотя массовость инициированных «снизу» миграций русских в XVIII – XIX вв. в целом только возрастала¹, они постепенно утрачивали свой «вольный» в прежнем смысле слова характер. Развитие крепостного, миграционного и землеустроительного законодательства и обеспечивающих его реализацию учётно-надзорных, регулирующих и репрессивных институтов вело к стиранию жёсткой грани между вольно-народной и правительственной колонизацией. Уже со второй половины XIX в. можно говорить скорее о существовании нескольких видов колонизационных потоков, имеющих различную степень огосударствления. Подобного же рода этатизации подверглись в это время периферийные анклавы освоения, сложившиеся ранее на «вольной» основе. Так, старое казачество Дона, Терека и Яика к началу XIX в. было превращено в служилое, а новые казачьи войска, формировавшиеся со второй половины XVIII в. на Кавказе, в Сибири и на РДВ, являлись уже прямым результатом военно-бюрократического проектирования [11, с. 24-30].

В XVIII – XIX вв., в условиях исчерпания потенциала промысловой и уменьшения географических масштабов земледельческой² общественной колонизации, укрепленные линии южного сектора лимогенеца догнали, а затем на ряде направлений перегнали «точечные» и фронтальные рубежи. Раньше это произошло на восточном и западном краях южного сектора, где стихийное движение русских переселенцев натолкнулось на плотное и упорное противодействие залимитрофных платформ в лице Цинской и Османской империй. Во второй четверти XVIII в. государственные рубежи России сравнялись с общественными в Забайкалье, а в 60-е гг. XIX в. опередили их в результате присоединения Приамурья и Приморья. К 70-м гг. XVIII в. укрепленные линии приблизились к пределам общественной экспансии в Причерноморье, позднее значительно обогнав их в ходе продолжавшихся до 70-х гг. XIX в. русско-турецких войн. Медленнее происходило государственное освоение центральной части Евразийского лимитрофа. Однако в 50-е гг. XIX в. «широкие» границы Российской империи резко отрываются от южно-сибирской зоны крестьянского освоения, перемещаясь на юг Казахстана, а в 80-е гг. того же века ещё более отдаляются от неё, достигнув зависи-

¹ О размахе переселенческого движения свидетельствуют, в частности, данные, приводимые А.В. Дуловым: если в 1710 г. в южном (лесостепном и степном) поясе Сибири проживало 12% русского населения этого региона, то в 1851 г. – 64% [6, с. 38-39].

² Это было обусловлено не только сдерживанием её государством, но и целым рядом других факторов, в т.ч. отдалённостью новых территорий аграрного освоения, недостатком в них удобных (привычных с точки зрения климата и агрикультурных требований) земель, растущими возможностями миграции в города и промышленные центры и т.д.

мого от Англии Афганистана [1, с. 31, 53-54; 18, с. 93-113, 441-444, 452-453]. Переход авангардной роли в лимогенезе от общественных границ к государственным способствовал быстрому поглощению Россией обширных, этнокультурно и политически сложных лимитрофных пространств южного сектора, но, вместе с тем, в дальнейшем стал для неё источником серьёзных внутренних структурных проблем.

Объективная асинхронность развития «широких» границ в пределах южного сектора, а также различная оценка их значимости правящей элитой России обусловили географическую неравномерность трансформации этих границ в рубежи линейного типа. Как и в северном секторе, в южной части Азиатской России транзит к линейным границам был начат с их юридического оформления. Так, в 1700 – 1705 гг. была проведена международно-правовая делимитация и демаркация границы России с Османской империей между рр. Ея и Южный Буг. Делимитация и демаркация первого, прибайкальско-забайкальского, участка границы России и Китая были произведены в 1727 г. [18, с. 14-15, 19-21]. Однако, поскольку ввиду продолжавшегося противоборства России с двумя смежными империями (в основном военного в случае с Османской и преимущественно дипломатического в случае с Цинской) конфигурация их границ претерпевала крупные изменения, начатый процесс правового оформления рубежей затянулся на длительный период. Первоначальная демаркация всей линии российско-турецкой границы была завершена только в 1881 г., а российско-китайской – в 1884 г. Инициированное уже в XIX в. оформление границы с Персией было закончено в 1893 г., а с подконтрольным Англии Афганистаном – в 1895 г. [24].

Завершение к концу XIX в. длительного периода первоначально международно-правового оформления государственных границ России в южном секторе в целом совпало с окончанием российской военно-политической экспансии в Азии. Неудачная попытка закрепления на территории Маньчжурии и Кореи, оплаченная передачей в 1905 г. Японии южной части Сахалина, по сути, привела к отказу от курса на дальнейшее расширение пределов империи в южном секторе. Стабилизации российских рубежей в регионе сопутствовало и необходимое для функционирования линейных границ усложнение системы государственного контроля над ними. Решающие шаги в этом направлении были сделаны в 1864 и 1893 гг. с созданием соответственно Департамента таможенных сборов и Отдельного корпуса пограничной стражи, вместе осуществлявших практически все виды контроля (военный, политический, таможенный, миграционный, карантинный) над границей [18, с. 248, 251-253]. Учреждение этих институтов, помимо прочего, преследовало цель приближения по качеству охраны и регулирования азиатских границ России к европейским и унификации работы её пограничного периметра.

Завершение демаркации государственных границ в южном секторе способствовало и модернизации их фактической пространственной формы. Ликвидация к концу XIX в. укрепленных линий, перенесение их охранных функций в виде цепи постов непосредственно на демаркационную линию, символизирующую пределы государственного суверенитета, в целом упростили и облегчили пограничную инфраструктуру, уменьшив её территориальную глубину. В конце XIX – начале XX вв. на пограничных постах, многие из которых превращались в поселения, транспортные и экономические центры, сосредотачивалась также работа органов таможенного и полицейского контроля. Вместе с тем, в этот период продолжало существовать немало пережитков пространственной организации «широкой» границы, и, прежде всего, буферных террито-

рий, с ограниченным или смешанным суверенитетом¹. Причины этого заключались не только в непоследовательности политики царского правительства, но и в объективной территориально-структурной слабости модернизируемых российских границ: в XVIII – XIX вв. во многих районах южного сектора государственные рубежи России далеко оторвались от пределов плотного заселения и освоения, а попытки укрепления их тыла путём военной и иных форм недобровольной колонизации оказались малоэффективными.

События 1917 – 1922 гг., несмотря на вызванные ими общественно-территориально-политические трансформации, в общем не нарушили тенденции к постепенному приведению границ России к параметрам линейного типа. Действительно драматические изменения в пограничной политике, во многом прервавшие процесс модернизации границ страны, произошли – под влиянием ухудшения международной обстановки и внутреннего перерождения политического режима – на исходе 20-х гг. XX в. Хотя в 30-е – 80-е гг. XX в. советское руководство продолжало в целом придерживаться курса на сохранение линейной формы границ СССР, также как и на поддержание их «нерушимости», пересмотр подхода к контролю над трансграничными потоками не мог не сказаться на общем типологическом состоянии государственных рубежей. Абсолютизация задач защиты и военно-политического контроля привела к значительному повышению эффективности охраны границы и ускорению роста соответствующих инфраструктуры и материально-технического обеспечения. Однако, в то же время, она повлекла за собой жёсткую барьеризацию советских границ и деградацию их невоенных регулятивных функций, что привело к ещё большему ослаблению и без того непрочных связей государственных рубежей с экономической, социальной и культурной структурами общества. С ремилитаризацией государственного присутствия на границах было связано и очередное увеличение их пространственной глубины, выразившееся в создании обширных отчуждающих пограничных зон, эшелонирующих оборону слишком «тонких» демаркационных линий суверенитета. Таким образом, ускорению модернизации советских границ в одних аспектах, в 30-е – 80-е гг. сопутствовало их возвращение к характеристикам «широкого» типа в других. При этом, несмотря на высокую унифицированность советской пограничной политики, особенно заметными эти реставрационные тенденции были в азиатской части страны. Если в европейском секторе после 1945 г. милитаризация и демодернизация границ сдерживались наличием внешнего социалистического буфера, то в обоих азиатских секторах (и особенно на китайском участке южного сектора), в условиях сохранявшейся до 80-х гг. враждебности непосредственного окружения, эти процессы достигли своего максимального уровня.

В постсоветский период прерванный в 30-е гг. XX в. транзит российских границ к линейному типу был возобновлён. Представления о нерушимости границ, их линейной (в юридическом и физическом измерениях) пространственной форме, комплексном характере государственного регулирования трансграничных потоков до настоящего времени являются основой отечественной пограничной политики. Тем не менее, даже после значительного сжатия государственной территории России, в результате потери наименее интегрированной части лимитрофных пространств, во многих районах казахстанского, монгольского и китайского участков южного сектора линейная форма её границ продолжает быть

¹ Так, на границе с Китаем в это время к подобным территориям можно отнести Зайский клин (до 1900 г.), 50-вёрстную приграничную полосу свободной торговли (до 1913 г.), военно-политически зависимые от России районы Северной Маньчжурии и Внешней Монголии (до 1917 г.) [10, с. 92-93, 99-103, 173-174; 12, с. 45-46].

скорее номинальной, не опирающейся на демографические и социально-экономические структуры общества, сопоставимые по своей плотности с подобными же территориальными структурами в европейской части страны. Недостаточность заселения и освоения приграничных территорий остаётся важнейшим препятствием к завершению модернизации государственной границы в пределах южного сектора Азиатской России.

Представленный выше историко-географический очерк лимогенетических процессов в северном и южном секторах Азиатской России позволяет выделить некоторые типологические особенности, отличающие их друг от друга, а также от лимогенеза в европейском секторе страны.

Лимогенез в европейском секторе России начался вместе с его восточнославянской колонизацией, промысловая, маршрутно-узловая, структура которой, прежде всего, привела к формированию «точечной», а после присоединения этих территорий в X в. к Древнерусскому государству, и «форпостной» границы. Вместе с тем, народная колонизация данного сектора изначально включала в себя значительный земледельческий компонент, постепенно становившийся доминирующим. К XVI – XVII вв., в результате расширения, сближения и взаимоналожения локальных анклавов площадного аграрного заселения/освоения в европейском секторе сложились относительно плотные и однородные массивы великорусского, белорусского и украинского населения с достаточно чётко очерченными (хотя и местами пересекавшимися) фронтами, смыкавшимися с границами балтской и западно-славянской земледельческой колонизации. Формирование этих фронтиров послужило основой для развернувшейся с начала XVIII в. и завершившейся в целом во второй четверти XIX в. исторически быстрой трансформации «форпостных» границ сектора в линейные. Последующие изменения конфигурации западных границ России, обусловленные в основном межгосударственными противоречиями, не меняли их типологической природы, поскольку актуализировали те или иные объективно сложившиеся в европейском секторе общественные территориальные структуры разного уровня.

Восточнославянская колонизация в южном секторе Азиатской России началась раньше, чем в европейской части страны, и практически сразу приняла преимущественно земледельческий характер. Ещё в догосударственный период её плотная, площадная, структура привела к образованию фронтальных границ. Это обстоятельство, а также растущая кочевая опасность, способствовали тому, что почти одновременно с возникновением Древнерусского государства его южные рубежи приобрели признаки «широкого» типа. С X по начало XX вв., исключая период присоединения русских княжеств к империи Чингизидов, эта типологическая сущность государственных границ Руси/России в южном секторе оставалась неизменной. Вместе с тем, в указанный период в этом регионе происходили важные изменения в географическом соотношении «широких» государственных и «точечных» и фронтальных общественных границ. Если в XVI – XVII вв. вольно-народная колонизация играла в южном секторе ведущую, авангардную роль, то с начала XVIII в. «широкие» государственные границы пространственно опередили общественные, в последующем всё более отдаляясь от них. Достигший к концу XIX в. огромных масштабов этот пространственный разрыв между внутренним плотным (сплошным площадным) общественным и внешним разреженным (маршрутно-узловым и анклавно площадным) государственным телами России до настоящего времени остаётся главным препятствием для полного завершения начатой правительством ещё в XVIII в. трансформации «широких» границ сектора в линейные.

Северный сектор Азиатской России, позже других ставший объектом вольно-народной и правительственной колонизаций и в силу

естественных ограничений долго сохранявший маршрутно-узловую территориальную структуру, вплоть до середины XIX в. оставался местом развития границ «точечного» и «форпостного» типов. Ряд предпринятых в дальнейшем активных, но не последовательных и не системных действий властей по преобразованию государственных границ в этом секторе в линейные до сих пор не привёл к достижению поставленной цели. Современные рубежи России в северном секторе имеют смешанную типологическую природу, сочетая в себе признаки «форпостного», «широкого» и линейного типов, что в целом отражает общую слабость и структурную разнородность освоения его обширнейших сухопутных и морских пространств. Особым фактором, осложняющим модернизацию государственных границ северного сектора, является его смежность с акваториями Тихого и Северного Ледовитого океанов, становящимися сегодня ареной острой международно-политической борьбы и вероятных крупных пространственных переделов.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. 600 с.
2. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.
3. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Тюменский фронт (методологические заметки) // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. №4. С. 187-192.
4. Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Федоров Р.Ю. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 115-130.
5. Дальневосточная контрабанда как историческое явление / Н.А. Беляева и др. Владивосток: РИО ВФ РТА, 2011. 296 с.
6. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.: Наука, 1983. 256 с.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). Т. 2. М.: Наука, 1990. 471 с.
8. История крестьянства России с древнейших времён до 1917 г. Т. 3. М.: Наука, 1993. 664 с.
9. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. 264 с.
10. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.
11. Киреев А.А. Уссурийское казачество в политическом процессе на Дальнем Востоке России. Дис... канд. полит. наук. Владивосток, 2002. 327 с.
12. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
13. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. 144 с.

14. Лукин Ю.Ф. Арктика сегодня: для России и всего мира. Архангельск: ВШДА ПГУ, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/arctic.pdf [Дата обращения: 30.01.2013].
15. Макаковский В.П. Географическая картина мира. В 2 кн. Кн.1. М.: Дрофа, 2008. 495 с.
16. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1990. 608 с.
17. Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М.: Комкнига, 2007. 240 с.
18. Пограничная служба России: Энциклопедия. М.: Военная книга; Кучково поле, 2009. 624 с.
19. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
20. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> [Дата обращения: 2.01.2013].
21. Терещенко В.В. На охране рубежей Отечества. М.: Кучково поле, 2008. 576 с.
22. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего /отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
23. Ткаченко Б.И. Узловые проблемы морской экономической границы между Россией и США. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/uzlovyje_problemy_morskoj_ekonomicheskoj_granicy_mezhdu_rossijej_i_ssha_2011-10-20.htm [Дата обращения: 30.01.2013].
24. Шокальский Ю. Россия. Физическая география: Границы и пространство // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия. В 86 томах. М.: ИДДК; Бизнессофт, 2005. 1 электр. опт. диск. (DVD-ROM).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoj i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI – XX vv./ V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. M., 2004. 600 s.
2. Venyukov M. Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii. SPb., 1873.
3. Ganopol'skij M.G., Litenkova S.P. Tyumenskij frontir (metodologicheskie zametki) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. №4. S. 187-192.
4. Ganopol'skij M.G., Markova L.M., Fedorov R.YU. Tyumenskaya neftegazodobyvayushhaya tsivilizatsiya: istoriko-geograficheskij konspekt stanovleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2011. № 3. S. 115-130.
5. Dal'nevostochnaya kontrabanda kak istoricheskoe yavlenie / N.A. Belyaeva i dr. Vladivostok: RIO VF RTA, 2011. 296 s.
6. Dulov A.V. Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX v.). M.: Nauka, 1983. 256 s.
7. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII – fevral' 1917 g.). T. 2. M.: Nauka, 1990. 471 s.
8. Istoriya krest'yanstva Rossii s drevnejshikh vremyon do 1917 g. T. 3. M.: Nauka, 1993. 664 s.
9. Kargalov V.V. Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noj Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki. M., 1967. 264 s.

10. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funktsionirovaniya (seredina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 474 s.
11. Kireev A.A. Ussurijskoe kazachestvo v politicheskom protsesse na Dal'nem Vostoke Rossii. Dis... kand. polit. nauk. Vladivostok, 2002. 327 s.
12. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
13. Leont'eva G.A. Zemleprokhodets Erofej Pavlovich KHabarov. M.: Prosveshhenie, 1991. 144 s.
14. Lukin YU.F. Arktika segodnya: dlya Rossii i vsego mira. Arkhangel'sk: VSHDA PGU, 2008. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://narfu.ru/pomorsu.ru/www.pomorsu.ru/_doc/mba/arctic.pdf (data obrashheniya: 30.01.2013)
15. Maksakovskij V.P. Geograficheskaya kartina mira. V 2 kn. Kn.1. M: Drofa, 2008. 495 s.
16. Petrov I.I., Katuntsev V.I. Na tikhookeanskikh rubezhakh. Vladivostok: Dal'nevostochnoe kn. izd-vo, 1990. 608 s.
17. Plotnikov A.YU. Russkaya dal'nevostochnaya granitsa v XVIII – pervoj polovine KHKH veka: Dvesti pyat'desyat let dvizheniya Rossii na Vostok. M.: Komkniga, 2007. 240 s.
18. Pogranichnaya sluzhba Rossii: EHntsiklopediya. M.: Voennaya kniga; Kuchkovo pole, 2009. 624 s.
19. Pokshishevskij V.V. Zaselenie Sibiri. Irkutsk: Irkutskoe obl. gos. izd-vo, 1951. 208 s.
20. Rezun D.YA., SHilovskij M.V. Sibir', konets XVI – nachalo KHKH veka: frontir v kontekste ehtnosotsial'nykh i ehtnokul'turnykh protsessov. Novosibirsk: ID «Sova», 2005. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (data obrashheniya: 2.01.2013)
21. Tereshhenko V.V. Na okhrane rubezhej Otechestva. M.: Kuchkovo pole, 2008. 576 s.
22. Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashhego, budushhego /otv. red. P.YA. Baklanov. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 406 s.
23. Tkachenko B.I. Uzlovye problemy morskoy ehkonomicheskoy granitsy mezhdru Rossiej i SSHA. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/uzlovye_problemy_morskoy_ekonomicheskoy_granicy_mezhdu_rossiej_i_ssha_2011-10-20.htm (data obrashheniya: 30.01.2013)
24. SHokal'skij YU. Rossiya. Fizicheskaya geografiya: Granitsy i prostranstvo // Brokgauz i Efron. EHntsiklopediya. V 86 tomakh. M.: IDDK; Biznessoft, 2005. 1 ehlekt. opt. disk. (DVD-ROM).